

Натали Рафф

Мой ад - это я сам

16+

Натали Рафф
Мой ад – это я сам

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Рафф Н.

Мой ад – это я сам / Н. Рафф — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Второй роман из цикла: "Опасные игры непреклонных дам преклонного возраста", содержащего романы, повести, сказки и мифы, повествующие о женщинах, авантюры которых повлияли на исход событий, имеющих, зачастую, решающее значение для судеб мира. Герои произведений – это богини различных эпосов, стоящие у истоков земных цивилизаций, правительницы, находящиеся под их непосредственным покровительством, современные интеллектуалки, не утратившие связь с потусторонними силами, и, наконец, дамы в возрасте, в любых ситуациях полагающиеся на собственные ум и волю.

© Рафф Н., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Рукопись	5
Гармагер – сын королевы Кары	10
Легенда (перевод с валардского)	10
Книга первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рукопись

Похоже, что я – профессиональная пианистка с двадцатипятилетним стажем работы по специальности, женщина, всю жизнь стремящаяся быть образцом выдержки и рассудительности, проявила полное отсутствие здравого смысла, когда согласилась поехать в качестве концертмейстера оркестра народных инструментов в Индию, где руководство нашей Республиканской Филармонии планировало записать музыку к новому кинофильму – сказке на восточную тематику. Когда ни у кого нет денег, на удачу не только рассчитывать, но и надеяться бессмысленно.

В Дели мы прилетели втроем: я – концертмейстер струнной кафедры Консерватории и два наших лучших студента-народника, обучающихся по классам рубаба и гиджака. В аэропорту нас встретил руководитель делегации и повез в самый, что ни на есть захудалый отель на окраине города. По дороге, прямо в машине, он нам с гордостью сообщил, что только благодаря своей недожонной смекалке, ему удалось уложиться в рамки бюджета: помимо гостиницы, выбранной для нас из расчета строжайшей экономии, он ухитрился пригласить на работу в оркестр самых низкооплачиваемых музыкантов – народных исполнителей играющих по слуху и не имеющих понятия о нотах.

Я искренне считала себя не самой бездарной наследницей советской пианистической школы, а потому, услышав подобное, впала в откровенную истерику – создавшаяся ситуация с профессиональной точки зрения мне показалась абсолютно безнадежной. Сознание того, что я встряла в нее по собственной инициативе, значительно усугубило мою панику. Первая же репетиция подтвердила мои опасения, однако, наш дирижер, чья достаточно героическая и неординарная личность известна многим соотечественникам, воспринял возникшее перед ним сборище, как заурядное житейское недоразумение. Прибыв в студию прямо из аэропорта с чемоданом в одной руке и с авиабилетом в другой, он, не тратя сил на бесполезные комментарии, засучил рукава и бодро впрягся в работу.

Он мужественно “лез из кожи”, “стоял на ушах”, и “выворачивался на изнанку”, чтобы объяснить музыкантам то, что от них требуется. Он проявлял чудеса изобретательности, стараясь хоть как-то сократить пропасть, разделяющую музыку, написанную композитором европейской классической школы и исполнителями, представляющими собой не оркестр, а скопище перепуганных акынов, то бишь – медахов¹. Он громко пел, приплясывал, притоптывал, присвистывал и махал руками, словно ветряная мельница, упорно пытаясь изобразить то, что хотел услышать от присутствующих. Общаюсь с коллективом на ломаном английском, дирижер периодически раздражался отборной русской бранью в адрес наших студентов, сидевших в оркестре в качестве концертмейстеров. Остальных же мутребов он крыл на каком-то совершенно диком наречии, так как отлично понимал, что так остервенело поносить иностранцев на языке доступном чьему-либо разумению, не имеет ни малейшего права. Не прошло и недели, как мне стало казаться, будто я участвую в каком-то фантазмагорическом действе, во главе которого стоит безумный капельмейстер Иоганн Крейслер.

На десятый день работы дирижер, находившийся уже на последней стадии негодования, бесцеремонно выпроводил меня за дверь, чтобы откровенно высказать в мужском обществе все, что он думает по поводу происходящего. Я, расстроенная, с резкой головной болью, выбралась на улицу и медленно побрела, глядя под ноги. Минут через пятнадцать, придя в себя, я с ужасом обнаружила, что нахожусь в каком-то незнакомом месте. Скорее всего, это был один из беднейших кварталов города, так как вокруг была кошмарная грязь, вонь и полно нищих.

---

¹ Медахи и мутребы – народные певцы и танцоры, сопровождающие свои выступления игрой на различных народных инструментах.

Не успела я замедлить шаг и осмотреться, как они, вытянув руки, с истошными воплями ринулись ко мне. Прижавшись спиной к какой-то облезлой загородке, я, наверняка, потеряла бы сознание, если бы в этот момент мне на помощь не поспешил какой-то пожилой прилично одетый господин. Он что-то крикнул обезумевшим от голода попрошайкам, и те расступились. На прекрасном английском языке он предложил мне свои услуги. С перепугу я, заикаясь и с трудом подбирая слова, объяснила, что заблудилась и попросила его проводить меня до отеля. Его удивлению не было границ, когда он услышал название моего пристанища. Явное несоответствие моего интеллигентного облика и места, где я обитала, разожгли любопытство моего спутника, он стал обо всем расспрашивать, а потом мы познакомились.

Г-н Нирами оказался потомком старинного и очень состоятельного рода, занимался коммерцией, между тем, главной страстью его жизни была литература. Он собирал различные рукописи, манускрипты, редкие издания книг, в общем, все оригинальное в этой области, что попадало в поле его зрения. Узнав, где мы делаем запись музыки к кинофильму, он проявил искренний интерес к нашей работе, и попросил разрешения там поприсутствовать.

На следующее утро, придя в студию, я увидела своего нового знакомого, тихо беседовавшего с ее владельцем – разлюбезным, круглым, цвета молочного шоколада господином. Через несколько минут тот представил нашему дирижеру моего спасителя, как известного в столице мецената и сообщил о его желании послушать репетицию оркестра. Наш новоявленный Иоганн Крейслер был вынужден, скорчив на своей свирепой физиономии подобие улыбки, изобразить радостное согласие.

В течение нескольких часов г-н Нирами терпеливо внимал происходящему, а затем, прощаясь со мной, сказал:

– Право, Чарли Чаплин со всеми своими трюками по сравнению с Вашим дирижером, просто неуклюжий мальчишка!

Почти месяц мы работали, как на каторге и о своем спасителе я, практически, не вспоминала, так как искренне считала, что мы расстались навсегда. Однако я ошибалась. Он появился в аэропорту за два часа до нашего отлета домой. В руках у него была красивая подарочная коробочка и довольно большой серый пакет.

– Дорогие друзья, я пришел, чтобы попросить у вас прощения. Дело в том, что несколько недель назад по моей просьбе в студии мне сделали видеозапись вашей репетиции. К сожалению, только вчера ее владелец мне сообщил, что проделал это без Вашего ведома – он явно перестарался, желая мне угодить. Я считаю это откровенной бестактностью, а потому отдаю Вам, маэстро, эти кассеты в надежде на Ваше снисхождение. Однако видит Бог, я расстаюсь с ними с глубоким сожалением. Я демонстрировал их своим друзьям и, клянусь, они имели чрезвычайно шумный успех. Полагаю, этот скромный презент будет Вам приятен. В любой момент он сможет напомнить Вам о пребывании в нашей стране!

Г-н Нирами, вежливо раскланявшись, вручил красному, как вареный рак, дирижеру подарочную коробочку, а потом продолжил, обращаясь уже ко мне:

– А Вам, глубокоуважаемая пианистка, я дарю копию чрезвычайно редкой рукописи – это легенда, она написана на валардском – почти забытом славянском наречии. К сожалению, переводчика я до сих пор не нашел. Единственно, что сумел сделать за то время, что рукопись хранится у меня, так это раздобыть учебник валардского и большой словарь, составленный одним известным русским путешественником и лингвистом еще до революции 1917 года. Освоить два языка, чтобы прочитать эту волшебную историю мне не по силам, а Вас, вероятно, она сможет заинтересовать. Да, по моему мнению, валардский – не тот язык, на котором была написана легенда. Скорее всего, мы имеем дело с ее переводом, сделанным позднее, частично дополненным и несколько искаженным. Поэтому, если Вы возьметесь за работу над “Гармагером” – так называется легенда, не старайтесь делать построчный перевод и не стремитесь к стилизации. Это бесполезно, так как время написания этого манускрипта никому не известно.

Возможно, позже у меня появится желание датировать время его создания, и тогда я обращусь к специалистам. А пока я мечтаю о другом. Хочу издать это сочинение на английском. Обладание русской версией “Гармагера” меня вполне устроит. Сами понимаете, грамотного литератора, владеющего этими языками, я всегда смогу найти. Помогите мне преуспеть в этом предприятии! Вы так прекрасно играете, что я решил предложить Вам эту работу в надежде на Ваш талант и трудоспособность! И прошу, не забывайте меня. Заранее приношу свои извинения за то, что учебник и словарь в таком жалком состоянии!

Я искренне поблагодарила г-на Нирами за удивительный презент. К тому же, была очень довольна тем, что подаренные книги он не переплел заново. Я решила, что в таком виде они не вызовут особого интереса у таможенников, так как сойдут за обычные потрепанные студенческие учебники. Мы тепло распрощались, а я даже прослезилась, понимая, что это моя первая и последняя поездка в Страну Чудес, которую мне так и не удалось разглядеть.

Прилетев домой, я сразу же включилась в предсессионную гонку. Мне пришлось мобилизовать весь свой концертмейстерский опыт, чтобы за месяц “выдолбить” с дюжиной студентов их программы. Потом я играла с ними на экзаменах. Затем нагрянули заочники... За инструментом приходилось проводить не менее восьми часов в сутки. Пришла в себя я только в мае, когда мой дорогой, мой преданный супруг объявил, что я ему надоела и ему осточертело жить под одной крышей с тощей, вечно взмыленной “рабочей лошадью”, а потому он уходит к роскошной тридцатипятилетней мадам – директорше городского рынка.

Ситуация была настолько банальная, что я только пожала плечами и, упаковав вещи, пожелала ему удачи. Однако для меня это был чрезвычайно сильный удар и, к сожалению, его последствия не заставили себя долго ждать. На нервной почве у меня разболелась левая рука, да так, что я не могла удержать вилку. Еще неделю я через силу пыталась что-то изобразить на фортепиано. Закончилась эта история плачевно: хирург нашей районной поликлиники сказал, что у меня типичная профессиональная травма, то, что, в наших кругах называется “переигранной рукой”, а потому без лишних слов наложил гипс и оформил больничный лист.

На работе меня заменила другая “лошадь”, но только в два раза моложе и резвее. Она всего год назад окончила консерваторию с отличием и теперь старалась всем доказать, что достойна работать в нашем заведении штатным концертмейстером. А я? Я осталась бродить в одиночестве по своей скромной квартирке с разбитым сердцем, покинутая единственно близким человеком, без музыки, без студентов, без работы. Изредка звонили коллеги, чтобы справиться о моем самочувствии. Выслушав меня, они почти сочувственно охали, а потом, с ехидной дрожью в голосе сообщали, какая бойкая девица теперь работает на моем месте и как восхищается ею профессор, в классе которого я успешно проработала двадцать лет.

Мысли меня терзали сильнее, чем боль в руке. С гипсом все было понятно – снимут, когда придет срок, а потом, Слава Богу, каникулы... Есть время на реабилитацию. Но что делать с головой? От разочарования, боли и одиночества можно было сойти с ума. Вот тогда-то я и вспомнила о рукописи, подаренной мне моим индийским другом.

Первые шаги в освоении валардского были ужасны. К счастью, я быстро сообразила, насколько это наречие в своей основе близко славянской лексике, а потому, худо-бедно, но уже через полтора месяца стала настолько ориентироваться в тексте, что рискнула приступить к переводу.

Я так втянулась в эту работу, что не смогла ее бросить и в сентябре. Начался новый учебный год, и внешне моя жизнь потекла по-прежнему. Но теперь в ней появилась тайная радость, она рождалась в сосредоточенной тишине ночных часов, проведенных за письменным столом. Удивительный мир легенды, в который я погружалась с головой, отключившись от ежедневных проблем, действовал как наркотик. Благодаря ему я стала стойко переносить свое одиночество, выпранные вопли моего профессора, истерию студентов, недоучивших в срок свои программы и проникнутые ядовитым сарказмом любезные комплименты, расточаемые

мне коллегами после успешных выступлений. Теперь где-то подспудно в моей душе жила другая реальность, более понятная, притягательная и яркая, чем окружающая меня суетливая и жесткая жизнь. Каждый раз, когда я открывала рукопись, глаза наталкивались на эпитафию, который согревал мне душу. Удивительно, но до сих пор не могу отделаться от мысли, что где-то уже встречала выражение подобное этому:

– Внимай, читатель, и ты не пожалеешь!

Во время работы над легендой особый интерес у меня вызвали приключения ее героя – юного принца Гармагера, который, пытаясь разгадать мотивы поведения своей овдовевшей матери-королевы и ее советников, ухитрился сделать из своей достаточно благополучной жизни настоящий кошмар.

Принц принадлежит к той немногочисленной когорте литературных персонажей, которые одержимы идеей восстановить достоверную картину событий, когда-то трагически повлиявших на судьбы их семей. После невероятных путешествий к истокам жизни, к Гарму приходит столь желаемое им знание Истины. Но, к сожалению, это не приносит ему радости. Да и кто, узнав все, о чем мечтал, обретает душевное равновесие: легендарный царь-Эдип, пылкий принц Гамлет или благородно-респектабельный Роберт Кэплен²? Конечно, по сравнению с их участью, жизненный путь Гармагера – это дорога к свету, но и на ней, склонный к постоянному самоанализу юноша не обретает ни внутренней гармонии, ни покоя. Кстати, их он и не ищет, так как отлично понимает, его беспокойная душа до конца жизни обречена метаться по пылающим лабиринтам его противоречивого разума.

Возможно, некоторым покажется странным, но настойчивые правдоискатели типа Гарма, вызывают у меня не восхищение, не сочувствие, а явное раздражение с привкусом жалости. И это притом, что я отлично понимаю, насколько эти упрямыцы одарены, как личности.

С сожалением признаю, судьбы подобных литературных героев неизменно находят во мне чрезмерно живой отклик. Не от того ли, что подспудно, вопреки желанию, я ощущаю некое родство душ? Иначе чем объяснить, что меня, так же, как и их влечет не опасная дорога приключений, неизбежная на пути к раскрытию тайны, а сама истина во всей своей полноте. Однако никаких иллюзий по поводу этой особы я не питаю. Это в девятнадцатом веке выдающиеся европейские художники Беклин, Лефевр и Борди³ изображали ее на своих полотнах в виде прекрасной, холодной и безупречно-совершенной Дамы. Я же, в отличие от них, абсолютно уверена, она имеет лик горгоны Медузы, чей взгляд леденит душу, а тело превращает в камень. Так почему бы мне, такой прагматичной женщине не бежать подальше от ее убийственных глаз? Так нет! В любой ситуации меня так и тянет докопаться до сути, все разузнать да поподробнее. Благо, было бы это праздное любопытство! А то ведь в глубине души понимаю, что, увидев все без прикрас, расстроюсь, а потом месяцами буду пережевывать эту ядовитую жвачку, превратив свое и без того трудное существование в откровенный ад!

Как-то в начале февраля, в разгар зимних каникул, в читальном зале библиотеки Консерватории я столкнулась с нашим глубокоуважаемым маэстро. В помещении никого кроме нас не оказалось, и мы разговорились. Почувствовав искреннюю заинтересованность собеседника, я поделилась с ним своими впечатлениями от легенды, над переводом которой работала столь увлеченно. Ко всему, не удержавшись, высказала и кое-какие свои соображения по поводу развития литературных жанров в целом.

– Послушать Вас, так можно подумать, будто автором первого детектива в истории человечества был Софокл! – съязвил он.

---

² Роберт Кэплен. – главный герой пьесы английского драматурга Дж.Б. Пристли (1894-1984) «Опасный поворот»

³ Арнольд Беклин (1827-1901) выдающийся немецкий художник-символист швейцарского происхождения Жюль Лефевр (1834-1903), Поль Борди (1828-1886) известные французские художники классического направления.

– Именно на это я и намекаю! – ответила я, стараясь милой улыбкой хоть как-то смягчить его недоумение. – Вы только представьте! “Царь Эдип”, кстати, как и “Гамлет” Шекспира – не просто гениальные пьесы! Это шедевры психологического детектива и в них налицо все необходимые для этого составляющие. Судите сами! Сначала совершается преступление. Затем известие об этом получает герой – честный, проникательный и, к тому же облеченный властью. Он, будучи лицом заинтересованным, берется за дело и ведет его так, как положено. В результате виновник обнаружен, и нашедший пытается, по возможности, покарать его. Ну, а поскольку наказание – дело небезопасное, особенно в среде коронованных особ, все завершается так, как в жизни: вместе с тем, кто добрался до истины, терпит крах и вся его семья. Так что, как ни крути, получается, что в этих трагедиях куда больше реализма, чем в большинстве современных поделок, со столь любезным нашему сердцу «хэппи эндом».

– Вы, что же, уважаемая, хотите меня убедить, будто психологическому детективу уже более двух с половиной тысяч лет? – с ужасом пролепетал мой собеседник.

– Я утверждаю только то, что ничего нового нет под луной! Посмотрите повнимательней, и Вы сами обнаружите по дошедшей до нас литературе, что людей во все века развлекало одно и то же. А потому, мне кажется, что самым впечатляющим приключенческим романом в истории человечества является “Одиссея”, а самым крутым триллером всех времен и народов – “Золотой осел”!

Дирижер смущенно рассмеялся, он был явно шокирован моими литературными инсинуациями, а потом, совершенно спонтанно, разоткровенничался. Сказал, что и сам далеко не безгрешен, так как совершил самое, что ни на есть настоящее “святотатство”: в качестве эксперимента сделал переложение оркестровых партий фортепианных концертов Баха, Сен-Санса и Бартока для оркестра народных инструментов и предложил мне, выбрав что-нибудь из этого списка, сыграть с ним на фестивале симфонической музыки.

– Я понимаю, моя работа очень спорна. Но так хочется поиграть настоящую классику... Может, попробуем, рискнем? Тем более что мероприятие планируется чрезвычайно пышное – пресса, телевидение, а главное, лучшие исполнения будут рекомендованы для записи на пластинки.

В душе я осознавала, что наш дирижер совершил акт профессионального вандализма. Однако желание исполнить любое из этих сочинений с оркестром было у меня так велико, что, отогнав все сомнения, я с радостью приняла его предложение. Более того, я расценила его, как бесценный подарок судьбы! Мы договорились встретиться через неделю, и дирижер ушел.

Неожиданный поворот нашей, достаточно светской болтовни, настолько вывел меня из душевного равновесия, что я почувствовала себя, как натянутая до предела струна. Закрыв глаза, я до боли сжала кулаки, и в этот момент мне показалось, что впервые в жизни сквозь туман моего замотанного и нищего существования я различаю очертания того пути, по которому с юности мечтала идти до конца своих дней, до тех пор, пока была бы в состоянии дышать, мыслить и страдать.

Однако довольно, замолкаю, так как больше не хочу испытывать терпение читателя. Предоставляю слово безымянному автору рукописи, с нескрываемым интересом повествующему о невероятных приключениях и удивительных метаморфозах прекрасного принца.

Итак, приступим...

Гармагер – сын королевы Кары

Легенда (перевод с валардского)

Внимай читатель, и ты не пожалеешь!

Книга первая

В королевстве Альморав состоялся грандиозный праздник по случаю совершеннолетия принца Гармагера – единственного сына могущественного правителя страны Агомара и его венценосной супруги Кары.

Королевская чета души не чаяла в престолонаследнике, справедливо полагая, что он не только умен, ловок и смел, но и красив, как Аполлон. Повелитель обожал Гарма, постоянно баловал его, но в кругу семьи, долго не задерживался, поскольку главными радостями своей жизни считал охоту и войну.

Молодая королева многие годы страдая от одиночества, отдала сыну всю нежность, на которую была способна ее пылкая душа.

Юноша отвечал на родительскую любовь почтительной преданностью: отец и мать были для него идеалом, воплощением благородства, самопожертвования и справедливости на Земле. С младенчества Гарм стремился подражать им во всем, и потому с фанатичным упорством совершенствовался и в науках, и в ратном деле, надеясь, возмужав, стать достойным преемником великого Агомара.

Не успели во дворце Альморав погаснуть праздничные фейерверки и отзвучать торжественная музыка, прославляющая шестнадцатилетнего престолонаследника, как в тронном зале появился разъяренный король. Повелитель был в великом гневе – военный совет, который он проводил только в экстренных случаях, взбунтовался, отказавшись выполнять его приказы. Взбешенный Агомар сообщил встревоженной супруге, что уезжает по делам государственной важности во владения своего бывшего советника Вернада и отбыл, захватив с собой личную охрану.

По дороге среди скал короля и его дружину застигла страшная гроза. Напуганный молнией взбесившийся конь сбросил Агомара в ущелье, и тот умер, не приходя в сознание.

Правитель Альморав трагически погиб, и все королевство оделось в черное. Вдова строго выдерживала траур и нигде не появлялась с открытым лицом. Она постоянно носила густую темную вуаль, а потому никто не видел ее заплаканного лица.

Ровно через год Кара во главе пышной процессии, совершила паломничество к гробнице усопшего супруга, воздала все причитающиеся его сану почести, а на следующее утро всенародно объявила об окончании в стране траура.

Вечером королева дала во дворце бал. Когда она, в огненно-алом царственном одеянии с золотой короной, украшенной рубинами, появилась в парадном зале, все пали ниц – она была прекраснее восходящего солнца. На балу Кара торжественно объявила, что срок ее вдовства окончен, и она намерена повторно вступить в брак. Изумленным гостям она представила своего избранника – придворного певца и музыканта Зирока.

Юный Гармагер был так потрясен решением матери, что с возмущением убежал из дворца. В отчаянии, он разбил шатер позади королевских конюшен и близко не подходил к оскверненному отчому дому. А когда через год у Кары родилась девочка, принц покинул королевство навсегда.

Мир Гарма рухнул, и оскорбленный до глубины души престолонаследник, собрав дружину из преданных ему юных головорезов, отправился на поиски приключений.

С кипящей молодой страстью они ввязывались в бессмысленные междоусобные свары, безжалостно убивая и грабя побежденных. После кровавых налетов принц страшно напивался, и тогда в нем просыпалась люта я ненависть ко всем на свете. Самое ужасное, что отвратительнее всех ему казалась собственная мать.

– Предательница! Кошка подзаборная! – шипел он и с остервенением крушил все вокруг.

Однажды после погрома, учиненного Гармагером и его дружиной в небольшом, затерянном в горах селении, отряд очутился у развалин странного храма. Разогнав разгоряченных побоищем дружинников, принц вошел под своды темного портала и осмотрелся. Над ним возвышалась высеченная в скале гигантская голова кошки. В фантастически-уродливой морде были проделаны три большие воронки: две на месте глаз, и одна в середине лба. Глазницы чудовища были выложены небольшими стреловидными нефритами, в центре каждого камня красовался золотой глаз со сверкающим зрачком. Углубление во лбу было заполнено нефритами с другим рисунком – на них отчетливо проступали серебряные очертания закрытого ока.

Дерзкий юноша, приказав своим воинам расположиться поблизости, объявил, что будет ночевать в храме один.

Когда взошла луна, и ее бледные лучи проникли через отверстия в своде, чудовище преобразилось: тысячи его огненных глаз, кострами запыхав во мраке, жгучими взглядами пронзили Гармагера. Принц затрясся, как в лихорадке и почувствовал, что прозревает.

– Я не прав! Я сам убийца и предатель, — впервые за эти годы прошептал потрясенный юноша. – Я не понял ничего в этой жизни! Что я знаю о матери? Что знаю вообще о женщинах? Я сотни раз видел и осязал их тела, но их душа для меня потемки... Чем больше я с ними сталкивался, тем чаще мне казалось, что они просто чудовища. Но я? Я сам! Чем я лучше их? Я безжалостно оттолкнул собственную мать... Я, который семнадцать лет был для нее идолом, и которого она обожала больше всех на свете!!! А я отверг ее. Сбежал, даже не простившись.

Принц горько заплакал и от сердечной боли потерял сознание. Когда он пришел в себя, первые лучи восходящего солнца играли и переливались в металлических зрачках чудовища. Гармагер привстал и увидел у своих ног три нефрита: два с золотым рисунком, а один – серебряным. Юноша взял в руки камни с изображением открытых глаз и подумал:

– Мне самому пора прозреть. Я уже взрослый мужчина. Не безродный подонок и не бандит... Я принц и мне не годится скакать по миру, как взбесившемуся горному козлу, драться и убивать.

В глубокой задумчивости Гармагер вышел из храма, созвал свою дружину и потребовал свиток. На нем принц начертал:

– Знай, мама, я проявляю свою неистребимую любовь к тебе в тот момент, когда тебя ненавижу, проклиная и бегу прочь. А ты будь снисходительна. Ты ночью, закрыв свои золотистые очи, вспомни и прости своего надменного, жестокого и непокорного сына!

Гармагер запечатал свиток и приказал воинам:

– Поезжайте в Альморав, вручите королеве Каре мое послание и нефритовый амулет с серебряным закрытым оком. Себе я оставляю другие камни, на них сверкают кошачьи зрачки. Знайте, это – мои глаза и я буду постоянно следить за вами. Если посмеете свернуть с дороги, настигну и перебью, всех до одного! Вы меня знаете! Сказал – сделаю! И еще... Передайте королеве, если серебряный глаз на амулете откроется, значит, я попал в беду. Пока он закрыт – я в порядке... А теперь пора в дорогу. Солнце взошло. Вы – домой, а у меня свой путь. Прощайте, мои верные и смелые подданные!

Дружина направилась в Альморав, а Гармагер остался у храма еще на одну ночь. Когда взошла луна, юноша лег у порога, закрыл глаза и положил на них нефритовые амулеты.

Всю ночь образ Кары стоял перед взором Гарма, и он не мог успокоиться. Его душа болела, его разум кричал. Принц не мог смириться с выбором своей матери. Это был настоящий позор. Ему казалось, что у нее нет ни царственной гордости, ни подлинной верности, ни настоящего королевского достоинства. Юноша мучительно пытался осмыслить, как могла могущественная и прекрасная Кара, всего за один год, не только забыть своего мужественного и величественного супруга, но и соединить свою судьбу с несуразным убожеством, отдав бразды правления великой страной в его руки. Гармагера трясло от отвращения, когда он вспоминал, что мать дала ему – принцу крови, потомку венценосной династии, в сестры безродное ничтожество.

Проснувшись, юноша уже знал, что больше всего на свете жаждет получить ответы на терзающие его вопросы. И тогда он решил потратить на это все свои силы, все свое время, а возможно и всю свою жизнь.

... Три года Гармагер скитался по свету. Он был контрабандистом и монахом, могильщиком и фокусником, бродил с актерами и совершал набеги на гаремы султанов. Люди чувствовали его неукротимый нрав, а потому всегда принимали настороженно. Перед Гармом прошел весь мир, но мудрости это ему не прибавило и понимание того, что было для него важнее всего на свете, к нему так и не пришло.

И вот однажды, в безлунную весеннюю ночь, когда принцу пришлось заночевать в кибитке у цыган, он услышал странное проклятье. Молодая цыганка, застав своего возлюбленного с другой, кричала, перебудив весь табор:

– Чтоб тебе стать козлом, в стаде царевны Хионы! Чтоб тебе никогда не знать женщин, а только бормотать молитвы в ее храме! Чтоб тебе всю жизнь гоняться за тенью и оставаться вечным монахом!

– Утихомирься, глупая! – проворчал кто-то, находившийся поблизости. – Пока твой дружок у нас в таборе, он скачет с одной красотки на другую, как кузнечик с цветка на цветок. Да и тебя не обходит стороной! А уйдет к Хионе, так все разом его и потеряете. Будет трудиться с утра до вечера, мечтать о вечной любви и надеяться на Преображение!

Гармагер вылез из грязной конуры, где пытался заснуть, и увидел отвратительную старуху, при свете костра похожую на оживший скелет.

– Послушай женщина! Я, полагаю, ты старше этой степи, а потому знаешь все на свете. Расскажи-ка о Хионе, и тогда мой единственный золотой будет у тебя в кармане!

Старуха долго и пристально вглядывалась в юношу, а потом костлявым пальцем указала на место около огня:

– Садись, чужестранец. Мне твои деньги не нужны, и я не болтлива. Говорить о Хионе не люблю... Но тебе все-таки расскажу... Есть у меня внук Эвер. Мой младшенький. Красивый, сильный... Тело у него как у буйвола, а вот душа, что теплый воск... Надавишь грубо, и на ней след останется... Обидела Эва женщина, изменила... Да еще с его лучшим другом. Заболел Эвер. Хворал долго, мучительно. Я уже надежду на его выздоровление потеряла. И вот месяца три назад объявился у нас в таборе колдун. Прилетел на закате степным орлом и остался на ночь. Все попрятались от него, испугались. А мне бояться уже поздно, я слишком стара для этого. Пустила я его в свою кибитку отогреться, накормила, и переночевать оставила. Утром колдун поблагодарил меня и подарил амулет. У тебя вот такие же на груди болтаются! И сказал:

– Это волшебный камень. Он помогает тем, кто слеп. Надень его на шею своему больному внуку. Золотые глаза, что на камне, помогут ему найти в жизни свою дорогу. Я думаю, его путь лежит на Бирюзовое Плато. Есть такое в Черных неприступных горах. Там, под аквамариновыми небесами, на краю изумрудной долины, окаймленной серебристым хребтом, над пропастью, где бурлит ледяной поток, на скале возвышается величественный храм из нефрита. В нем на изумрудном троне восседает загадочная и прекрасная царевна Хиона – повелительница Гор и Долин. Служат ей монахи, почести воздают, хозяйство ведут. Жизнь у них богатая,

спокойная. Монахи слепо поклоняются царевне. Каждый старается сделать все, чтобы стать ее избранником. Здесь, в обычной жизни, эти люди пострадали, а потому и пришли в храм к Хионе. Все мечтают обрести там истинную преданность и любовь. И хотя Повелительница Гор и Долин невозмутима и холодна, ее подданные надеются, полюбит она кого-нибудь из них, растопится лед ее сердца и расцветет на Бирюзовом Плато живая, человеческая радость. И еще... У подножья трона лежит волшебная книга. Все служители пытаются прочесть по ней о грядущем Преображении, но ни у кого это не получается. Я-то думаю, книга состоит из чистых листов, и монахи сами должны вписать в нее истории своих сердец. Однако никто не знает точно. А Хиона молчит. Может я не прав? В книге действительно содержатся предсказания, только прекрасная царевна не желает, чтобы ее вассалы узнали о своем будущем... Но, в конце концов, это не так уж и важно. Главное, каждый из служителей представляет Преображение по-своему, а потому спокоен и счастлив.

Со стороны такая жизнь кажется наивной, возможно даже глупой, но она устраивает тех, кто удался на Бирюзовое Плато. Все, пришедшие в царство Хионы, постепенно становятся молодыми и здоровыми. Они прекрасны, как боги Олимпа, но, в отличие от тех, никогда не ссорятся друг с другом. Наоборот! Они почитают свою дружбу, как великий дар Повелительницы Гор и Долин.

Рассказал мне это колдун, да улетел. Только его и видели. Отдала я талисман внуку, а потом пересказала все, что услышала от волшебника. После этого здоровье Эвера пошло на поправку, а через месяц он ушел из табора на поиски Бирюзового Плато.

– Похоже, это то, что мне нужно, – подумал принц. – Наверняка, монахи из храма Хионы сумеют ответить мне на все мои вопросы. Не смогут они, спрошу царицу. Я упрям и очень постараюсь добиться от нее внятного ответа.

... Утро еще не вступило в свои права, а возбужденный Гармагер уже гнал своего вороного по направлению к Бирюзовому Плато. Он летел по степи, словно черная стрела, даже не замечая, как преобразилась Земля за эту теплую весеннюю ночь. Миллионы тюльпанов выбросили свои бутоны в ожидании восходящего Светила. Цветы трепетали в восторге, подставляя свои хрупкие головки предрассветному душистому ветерку. Когда же брызнули первые золотистые лучи утреннего Солнца, и они раскрыли свои алые лепестки, все пространство над степью запылало, переливаясь и вибрируя всеми оттенками вселенского пожара.

Весна пробудила в крови Гармагера пламя обновляющейся жизни, и он, грубо прищипывая коня, остервенело скрипел зубами. Юноша не осознавал, что привело его в такое неистовство. Но, если бы он усмирил свою ярость, то понял, что перед его воспаленным взором вместо алого ковра цветов, переливающихся в блеске утренней зари, стоит кроваво-рубиновое одеяние прекрасной Кары, объявляющей об окончании своего траура.

... Неделя бешеной скачки – и Гармагер попал в маленькое бедное селенье, прилепившееся к подножью Черных Гор. В первой же халупе, куда принц попросился на ночлег, он обнаружил Эвера – высокого застенчивого юношу с тревожным взглядом больших темных глаз.

– Я здесь уже больше месяца – рассказал тот. – Жду попутчика. Мне одному не подняться на Бирюзовое Плато. Я по-настоящему еще не окреп после болезни... Так мучился, ужасно болело сердце. До сих пор не могу понять, почему меня любимая предала... Бросила, даже не объяснив, за что...

– А что хорошего можно ожидать от женщин? – вспыхнул Гармагер. – У меня погиб отец – король Альморавы, так года не прошло, как мать сыскала себе нищего трубадура! Теперь живет с ним да радуется... Если уж такого, как Агомар – смелого, умного, красивого законная супруга забывает так быстро, то что говорить о других... Нам вообще рассчитывать не на что! Оглянуться не успеем, как они предадут, изменят, а, вдобавок, еще и надсмеются над нами.

– Зачем же тебе к Хионе? Чем она поможет? – удивился Эвер.

– Мне никто не может помочь. Я этого и не жду. Я только хочу спросить у царевны: есть ли на Земле хоть одна достойная дама, у которой была бы память и верность не такая, как у курицы, и которая имела хотя бы каплю женской гордости и человеческого достоинства? Или то, о чем я говорю просто бред и мужская блажь?

... Двое суток ушло у юношей на подготовку к походу. На рассвете третьего дня они отправились в путь. Поначалу идти было легко, молодые люди были полны надежд, и дорога казалась им знакомой. Но чем круче поднималась тропинка, и сумрачнее становились горы, тем мрачнее становилось у них на душе.

Иногда по вечерам в слабых отблесках заката, в очертаниях окружающих скал они различали грозные профили духов гор. А по ночам вместо полного лика Луны, им чудилась сидящая на облаке, облаченная в клубящуюся мантию, скорбная Матерь Мира. Днем же под ослепительными лучами Солнца остроконечные вершины гор, зачастую, казались им белоснежными куполами поднебесных монастырей.

Гарм и Эвер упорно шли вперед, потеряв представление о том, сколько дней провели в пути. Они считали только безлунные ночи, во время которых, содрогаясь от пронзавшего тело и душу холода, прощались со своим земным прошлым. Но однажды тьма отступила, ее изгнал тонкий молодой месяц, появившийся в окружении бриллиантовой россыпи звезд. Юношам показалось, будто над ними засветились в снисходительной улыбке серебряные уста небес, над которыми кокетливой золотой родинкой сверкала вечерняя звезда. Впервые за долгую дорогу молодые люди облегченно вздохнули и с легким сердцем подошли к зубчатому краю скалы, уступ которой служил им ложем.

Они огляделись и остолбенели. Перед ними предстала картина вечности: мертвые, иссиня-черные хребты теснились под ними до самого горизонта. Словно живые сердца этих каменных великанов во мраке слабо мерцали редкие огоньки горных селений. А над всем этим застывшим великолепием, в безбрежном, непостижимом небесном океане хрупкая серебряная ладья нового месяца ныряла в клубящиеся волны набегающих черно-серых облаков. Впервые в жизни молодые люди почувствовали себя сопричастными грандиозному акту мироздания. Восхищение и страх, надежда и отчаяние – все смешалось в их юных сердцах, вытесняя полудетские, а потому такие жгучие обиды.

Гармагер и Эвер уснули только на рассвете, в дорогу тронулись в полдень, а к вечеру миновали последний горный перевал. Цель своего путешествия они увидели в лучах заходящего солнца.

Бирюзовое Плато оказалось обширной плодородной долиной, со всех сторон окруженной горными хребтами. Полсотни разноцветных диковинных по форме домиков, утопая в садах, уютно расположились неподалеку от быстрой горной реки. Небольшие поля, разбросанные по склонам, были вспаханы. Юноши даже разглядели два больших стада, которые пастухи гнали по домам. В пламенеющих отблесках заката среди ярких построек выделялось большое, прилепившееся к высокой горе, строение, сложенное из зеленовато-серых кубов.

– Как ты думаешь, это серое уродство – храм Хионы? – разочарованно спросил Гармагер.

– Не ворчи, Гарм. Наверняка эти каменные блоки, вырублены из настоящего нефрита... Погляди на ниши талисманы и сравни! Да, в принципе, теперь это и не важно. Главное, добрались живыми и здоровыми! Лучше посмотри повнимательней под ноги! Эти монахи провели сюда к перевалу отличную дорогу. По ней мы спокойно можем спуститься в долину даже при свете месяца! Если поторопимся, часа через полтора будем у Храма.

– Не хочу спешить. Давай заночуем здесь, а утром пойдем вниз. Незнакомые люди, неизвестные порядки. Свалимся им на голову на ночь глядя – только обозлим!

Тяжело вздохнув, Эвер опустил на большой камень и устало закрыл глаза. Очнулся он, услышав гомерический хохот своего спутника.

– Боже! Неужели Гарм умеет смеяться? – мелькнуло в голове у юноши. Он открыл глаза и посмотрел в том направлении, куда указывал Гармагер. Через секунду и он заливался во все горло. Их глазам предстало поистине комическое зрелище.

По дороге, бодро цокая копытцами, двигались по направлению к ним три симпатичных, крошечных ослика. Во главе кавалькады, верхом на первом, в невероятно пестром одеянии, величественно восседал, ухватив себя за пятки, высокий, благообразный мужчина лет сорока.

– Прекрати ржать, Эв! По-моему, нас встречают. Так хохотать невежливо, – пробурчал принц, утирая выступившие слезы.

Когда мужчина приблизился и опустил ноги, стало понятно, что он не только очень высок, но и отлично сложен. Вежливо поклонившись, он представился.

– Я Агнер – главный жрец здешнего братства. Рад вас приветствовать, друзья! Я ожидаю вашего прибытия уже целый день. Жилье для Вас, Царевна Хиона, подготовила еще две недели назад!

Юноши удивленно переглянулись, поблагодарили за заботу и, взгромоздившись на осликов, впервые почувствовали на душе покой.

Животные резво бежали вниз и довольно быстро доставили всех к большому красивому дому, предназначенному для Гарма. Принц сердечно распрощался с Агнером, похлопал по плечу друга и переступил порог. Оказавшись внутри, он замер от неожиданности.

Длинный светлый коридор, просторные комнаты и большая терраса были точной копией апартаментов, которые он занимал в Альмораве, будучи ребенком. Все было точной таким же: мебель, рисунки на стенах, светильники, ковры, игрушки. Воспоминания детства нахлынули на него, и ему показалось, будто он снова юн, беззаботен, любим, с террасы доносятся тихие голоса обожаемых родителей, а внизу, в парадном зале, его ожидают дорогие подарки преданных вассалов его всемогущего отца. Гармагер опустил на пол и долго-долго сидел, ничего не видя вокруг себя. По его обветренному и жестокому лицу беззвучно текли слезы...

– Что за ужасная страна! – очнувшись, проворчал принц и встал. – Двух часов не прошло, как я здесь, а уже впал в детство... То хохочу во все горло, как мальчишка, то рыдаю, сидя на полу, как младенец. Лучше бы дали воды, чтобы искупаться!

В подвале дома он нашел все, что ему было необходимо: горящую печь, на которой стояла готовая еда, и огромный чан с горячей водой. Через час чистый и сытый Гарм растянулся на роскошном ложе под королевским балдахинном.

– Господи! Какое блаженство! – были последние слова засыпающего принца.

... Гармагер проснулся на рассвете, открыл глаза и удовлетворенно вздохнул.

– Похоже, Хиона понимает толк в жизни... Хотя нет. Здесь совсем другое. Просто она хорошо знает, как исцелять измученные и истерзанные души. Наверно, потому у всех такие красочные дома и одежды. Все как в детстве! Интересно, а что за жилище у Эва? Небось, внутри дома ему соорудили драную кибитку, а в углу комнаты навалили огромную кучу навоза. Это, определенно, поможет ему легко впасть в счастливое младенчество!

Наскоро одевшись, принц вышел из дома.

Прозрачно-звонящий воздух был так прохладен и чист, а жемчужно-серое небо, с переливающимися сиреневыми перистыми облаками так близко, что у юноши перехватило дыхание.

– Господи, как хорошо! Пару недель – и сил будет, хоть отбавляй! Но что потом здесь делать? Это же настоящий рай! Похоже, монахов мне и спрашивать не о чем. В этом Эдеме они, наверняка, давно впали в детство и не только трудятся, как муравьи, но и мыслят так же. Мне одна дорога – добиться аудиенции у Хионы. Она не откажет. Раз соорудила мне такие хоромы, значит, отлично знает и обо мне, и о великом Агомаре, и о моей забывчивой мамаше.

Для Гарма и Эва неделя на Бирюзовом Плато пролетела, как один день. Они подружились со слугами, и были приятно удивлены тем, что те совершенно не похожи на неразумных

младенцев. Каждый бережно хранил в душе историю своей жизни и прекрасно помнил ту, из-за которой покинул родные места и ушел на поиски Мира и Гармонии. Монахи объясняли это тем, что каждый вечер пили воду источника, находящегося в храме, а потом, во сне, проживали свое прошлое, как бы заново.

– Ты хотел бы во сне увидеть свою “бывшую” – спросил как-то вечером Гармагер у Эвера.

– Нет! Ни за что! Ни ее, ни предавшего меня друга! Они мне отвратительны!

– Тебе легче, Эв! А я не могу ясно ответить на такой простой вопрос. Меня просто трясет, когда думаю о матери. Как можно так любить и так ненавидеть одновременно? Готов на что угодно, лишь бы только так не терзаться!

– Успокойся, друг. Мне сейчас Агнер сообщил, что завтра на рассвете нас в храме ждет Хиона. Это решающий момент в нашей жизни. Я, как ты понимаешь, буду просить у нее разрешения остаться здесь. А что попросишь ты?

– Видит Бог, мне ничего не надо! Я просто хочу все понять, а уж потом стану решать, что делать.

– А не боишься, что для этого тебе придется претерпеть слишком многое? Иное ученье – хуже тюрьмы! Да и время уйдет. Пока все уразумеешь – жизнь закончится!

– Я был слишком счастлив в младенчестве, чтобы любить то, с чем столкнулся, став взрослым. Тогда я был для всех маленьким, прекрасным и умненьким идолом, а вот вырос – и меня вышвырнули, как старую куклу, которая оказалась чересчур громоздкой и неудобной!

– Не правда! Это не они тебя, а ты всех выбросил из своей жизни. И только за то, что перестал быть для них идолом!

– Да не так это, Эв! Совсем не так! Если бы все отвернулись лично от меня, я решил бы, что я – ничтожество и наверняка предпринял бы что-то. Вероятно, попытался бы стать великим проповедником... А, возможно, наоборот – легендарным завоевателем... В общем, постарался бы совершить что-нибудь значительное... Но, когда я увидел, как правительница могущественной страны обошлась с памятью о своем погибшем супруге, одно имя которого повергало в трепет и друзей, и врагов, я просто потерял рассудок! Господи, как я тогда всех возненавидел! А вот сейчас думаю, если так поступила сама королева Кара, значит, в этом был какой-то резон. Наверняка был... Только мне это недоступно! Не понимаю. Чем больше думаю, тем меньше понимаю. Может, ты мне объяснишь, что с ней произошло? Ну, а здесь что творится? Оглянись! Вокруг нас собрались не глупые люди, а живут, как жвачные животные... И довольны! Самое главное, что довольны! Днем трудятся, как пчелы, а по ночам, во сне, вспоминают прелести своих изменниц, и счастливы... Скажи кто из нас сумасшедший? Они или я?

– Лично я пойду спать, а ты тут можешь бушевать до утра в одиночестве. Но лучше побереги свой пыл до рассвета. Завтра все это обрушишь на голову царевны, и она тебе объяснит, кто из вас ненормальный... Если, конечно, сразу же не выгонит после того, как откроешь рот! Пока!

Эвер ушел, а Гармагер еще долго метался по террасе, пытаясь совладать с собой.

... На рассвете юноши в сопровождении Агнера переступили порог храма Хионы. Они оказались в огромном зале, где своды, стены, колонны и полы были сложены из огромных темно-зеленых нефритовых блоков. Помещение освещалось выступающими из стен и колонн серебряными бра в виде точеных женских ладоней. На них горели большие круглые свечи, распространяющие изысканные ароматы экзотических цветов. Около дальней стены, выложенной драгоценными камнями, возвышался трон из цельного изумруда. У его подножия бил источник, вода которого заполняла огромную резную серебряную чашу, а потом стекала в серебряную воронку, вделанную в плиты пола. От входа к трону вела широкая земляная дорожка, усаженная крошечными желто-красными цветочками и низкой изумрудно-зеленой травой.

– Я привел Ваших гостей, бессмертная царица Хиона! – громко объявил Агнер и удалился.

Растерянные юноши остались стоять у порога и после того, как захлопнулась входная дверь за главным жрецом.

Внезапно на противоположной стене откинулся полог, и открылась лестница, ведущая под своды. Раздалась тихая музыка, и они увидели высокую, стройную женскую фигуру, легко спускающуюся к трону. В дрожащем свете свечей трудно было определить, хороша царевна или нет. Волшебница была похожа на Ундину – ниспадающий серебристый плащ, струящиеся серебристые волосы, прозрачное лицо, светлые, нежные глаза и голос, проникающий в самую душу.

– Рада видеть вас у себя, дорогие гости. Ваше прошлое мне хорошо известно. Полагаю, Вы пришли сюда, чтобы побеседовать со мной о том, что у вас наболело. Могу с гордостью сказать, здесь все имеют то, о чем даже мечтать не смеют там, внизу: молодость, здоровье и право выбора. На Земле хорошая ворожея любому скажет все, что его ожидает. Здесь этого не ведаю даже я. На что решитесь, то и сбудется. А теперь я слушаю. Спрашивай, Эвер, первый... А впрочем, я и так знаю. Ты озабочен только одним, не можешь понять, почему самые близкие люди тебя предали. Я объясняю, это же так просто! Чужая страсть, как пожар – всегда волнует воображение и притягивает тех, кто рядом. А тут ты и сам постоянно подливал масла в огонь. Ну скажи, разве не ты убедил своего приятеля, будто близок с самой прекрасной женщиной на свете, а ее, что дружишь с самым умным, честным и смелым юношей в мире? В результате они увидели друг друга твоими глазами и потеряли рассудок! Но теперь все изменилось! Ты их покинул, и нет рядом ни твоего восторга, ни твоего отчаяния. Еще немного и они, как люди трезвые, прозреют, разберутся и разбегутся. А тебя, уж точно, помянут недобрым словом. Всем скажут, будто им заморочил голову этот полоумный Эвер, ввел в соблазн своими глупыми, экзальтированными речами! Если не веришь, можешь сам на них полюбоваться. Подойди поближе и взгляни в эту серебряную чашу, я только опущу туда свой перстень.

– Не знаю великая царица, возможно, я виноват в том, что перехвалил их друг другу. Но мне от этого не легче... Так болит сердце, что не могу ни видеть, ни слышать их!

– А что скажете мне Вы, Гармагер – наследный принц могучей державы? Удручены тем, что не получили причитающуюся Вам по праву власть? Или опечалены выбором матери? Что, в действительности, подтолкнуло Вас избрать столь странный образ жизни? Может просто жажда все изведать? Или Вас гонит по свету страх собственной смерти? Иногда такое случается после внезапной кончины любимого человека... Вы боготворили отца, и я могу понять такое чувство. Возможно, даже предложила бы остаться здесь... На Бирюзовом Плато нет ни смерти, ни старости. Есть труд, покой, красота и надежда. Так отвечайте, в чем Ваша беда?

– Мне было шестнадцать, когда погиб отец, и тогда я всерьез не думал о власти. А после того, как судьба привела меня в храм Кошки, и я подобрал там талисманы, я и вовсе отказался от нее. Даже дружину отпустил... Дело не в троне... Скажите, почему мать так быстро забыла великого Агомара? Неужели на свете нет ни одного достойного человека, память о котором прожила бы в сердце женщины дольше года? А потом! Такой отвратительный мезальянс... Музыкантишка без роду, без племени! Ни доблести, ни мудрости, ни красоты! Ничего!

– Да ты, дружок, еще просто дитя! Всякая любовь слепа. Тебе уже пора бы это знать! Плохо то, что в своем озлоблении, ты теперь вряд ли ее когда-нибудь полюбишь. Да и не поверишь никому. Мне тебя откровенно жаль, мальчик! Но отвечу просто. Король Агомар был хорошим отцом, однако, не слишком-то преданным мужем. Молодая жена занимала в его сердце так мало места, что он без зазрения совести, бросил ее в своем роскошном дворце умирать от скуки. Будь Кара женщиной ветреной, она нашла бы утешение в светских развлечениях, отправив тебя на воспитание к нянькам и учителям. Но королева мечтала о семейном счастье, а потому отдала тебе, своему единственному сыну, всю свою нерастраченную любовь

и нежность... Твои теперешние муки – это расплата за то, что в детстве ты получил то, что тебе самой природой не предназначалось... А у Кары своя тяжкая ноша: сначала – безрадостный брак, а потом печальное вдовство, во время которого ты возмужал и стал похож на отца. Что ждало ее в жизни? Одиночество, тоска и тяготы правления... А полюбила она Зирока потому, что ее душа была так же прекрасна, как и его песни!

– Вы объясняете все так красиво, мудрая Хиона... Хорошо, я могу понять, предложим, мать испугалась грядущего одиночества. Но она же не невольница из гарема! Это там затворниц стерегут. Вот они и готовы кинуться в объятия первому, кого увидят. Даже самому убогому! Она же была молода, прекрасна, богата! Могла же выбирать. А этот ее музыкантишка просто отвратителен! Видели бы Вы его! Длинный, тощий, носатый с включенными, вечно нечесаными космами! А какие звуки он издавал! Поднимет подслеповатые глаза к небу, вцепится костлявыми пальцами в огромную инкрустированную перламутром лютню, прижмет ее к плоской груди, тяжело вздохнет – и как завоет! Хуже, чем облезлый, бродячий пес в полнолуние на могиле своего хозяина!

– Бедный мальчик! Конечно, ваш Зирок пел не военные марши! – ответила Хиона и залилась таким веселым смехом, что юношам показалось, будто они слышат переливы хрустальных колокольчиков.

– А знаете, принц, если бы мне пришлось выбирать себе возлюбленного из Вас двоих, я бы очень подумала, кого предпочесть. Возможно, я, как и королева Кара, решила бы, что буду гораздо счастливее с Эвером – длинным, взъерошенным и безродным, чем с Вами, Гармагер. Хотя Вы прекрасны как Аполлон и, к тому же королевских кровей! Если захотите понять, чем этот застенчивый юноша превосходит Вас, соглашайтесь вместе с ним отправиться в удивительное путешествие. Опуститесь к истокам жизни, ощутите ее вечные стимулы, а потом сравните свои впечатления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.